

ДРУГОЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

THE OTHER IN THE LITERATURE

УДК 821.111; 316.7:82

DOI: 10.31249/chel/2025.04.05

Колосова Е.И.

ПО ТУ СТОРОНУ ИНОГО ВЗГЛЯДА: (НЕ)ВЫСКАЗАННОЕ В ПОЭЗИИ ЭЛИЗАБЕТ СИДДАЛ

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Россия, Москва, kolosova@inion.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэзии Элизабет Элеонор Сиддал (1829–1862), известной преимущественно в качестве вдохновительницы и натурщицы членов Братства прерафаэлитов. Практически сразу после смерти ее биография стала трансформироваться в романтический миф о «прекрасной музе», а многогранное творческое наследие оказалось вытеснено на периферию. В настоящей статье мы сосредоточиваемся на анализе двух стихотворений – «Сладострастие взора» (*The Lust of the Eyes*) и «Отрывок из баллады» (*Fragment of a Ballad*), которые интересны отнюдь не только как частный случай «реабилитации» забытого автора. Они помогают раскрыть специфический механизм культурной репрезентации: показать, как сама маргинализованная фигура (*Другая* викторианской эпохи) пытается осмыслить и артикулировать свое отчуждение, используя язык доминирующей культуры. Несмотря на различие голосов и перспектив в этих стихотворениях, они оба выстраиваются вокруг общего тематического ядра: принципиальной невозможности подлинного межсубъектного контакта между мужчиной и женщиной. Прежде всего нас интересуют мотив безмолвия, принципиально неразрешимый любовный конфликт и то, каким образом Сиддал-поэтесса размыкает бинарные оппозиции «активный мужчина / пассивная женщина», «субъект / объект» и др.

Ключевые слова: Элизабет Сиддал; Сиддалл; Данте Гэбриел Россетти; прерафаэлиты; Братство; викторианская литература; викторианская поэзия; женская поэзия.

Поступила: 15.05.2025

Принята к печати: 11.06.2025

Kolosova E.I.
Beyond the *Other's* Gaze:
the (Un)Spoken in Elizabeth Siddal's Poetry

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, kolosova@ion.ru*

Abstract. This paper examines the poetry of Elizabeth Eleanor Siddal (1829–1862), who is primarily recognized as the muse and model for members of the Pre-Raphaelite Brotherhood. Almost immediately following her death, her biography was reshaped into the romanticized myth of the ‘charming muse,’ while her diverse artistic contributions were marginalized within Victorian cultural discourse. This study focuses on an analysis of two poems – *The Lust of the Eyes* and *Fragment of a Ballad* – which are significant not merely as part of an effort to ‘rehabilitate a forgotten author.’ Rather, they illuminate a distinct mechanism of cultural representation: the ways in which a marginalized figure – the Victorian *Other* – attempts to articulate her alienation through the language of the dominant culture. Despite differences in voice and perspective, both poems converge on a shared thematic concern – the fundamental impossibility of authentic intersubjective connection between a man and a woman. Of particular interest are the motif of silence, the irresolvable romantic conflict, and Siddal’s poetic strategies for deconstructing binary oppositions such as “active man / passive woman” and “subject / object.”

Keywords: Elizabeth Siddal; Siddal; Dante Gabriel Rossetti; Pre-Raphaelites; Brotherhood; Victorian literature; Victorian poetry; women’s poetry.

Received: 15.05.2025

Accepted: 11.06.2025

Судьба и творческая биография британской натурщицы Элизабет Элеонор Сиддал (Elizabeth Eleanor Siddal, 1829–1862) воплощают уникальный парадокс викторианской культуры: обладая, пожалуй, одним из самых узнаваемых образов среди современниц, она оставалась одной из наименее понятых художниц и поэтесс своего времени. Ее черты, запечатленные в знаковых полотнах прерафаэлитов – от «Двенадцатой ночи» (*Twelfth Night*, 1849–1850) У.Х. Деверелла (Walter Howell Deverell, 1827–1854) до «Блаженной Беатриче» (*Beata Beatrix*, 1864–1870) Д.Г. Россетти (Dante Gabriel Rossetti, 1828–1882) – превратились в визуальную константу эпохи, однако этот культовый статус создал своеобразный «эффект тени», надолго затмивший ее собственное творчество и идентичность.

Практически сразу после смерти Сиддал в 1862 г. ее биография стала последовательно трансформироваться в миф о прекрасной «музе прерафаэлитов», при этом ее многогранное творческое наследие – живописное и литературное – оказалось едва ли не полностью забыто и маргинализировано. Фактически мы говорим о «двух Сиддал»: одна из них – активная участница творческого процесса, художница и поэтесса, которая создавала собственные произведения искусства, а *Другая* – это сконструированный образ Сиддал-музы, служившей источником вдохновения для других художников Братства. Такое двойственное положение представляет любопытный пример того, как в викторианской культуре формировался образ Другого / Другой.

Категории «музы» и «вдохновения» при всей их кажущейся возвышенности функционировали как инструменты *символического исключения*: они фиксировали исключительность Сиддал как объекта искусства, при этом исключали ее субъектность как художницы и поэтессы (автора). Научная литература о прерафаэлитах начиная с 1880-х и вплоть до 1970-х годов представляла ее преимущественно как фигуру «трагически-романтическую»: меланхоличную женщину с крайне хрупким здоровьем, обладающую загадочным очарованием и красотой, которую воспевал Д.Г. Росsetти. Однако сведения о жизни Сиддал вне контекста взаимоотношений с художниками-прерафаэлитами, особенно за рамками связи с Росsetти, исследователями преимущественно игнорировались. Применительно к ее биографии Д. Черри и Г. Поллок обратили внимание на характерное употребление (разными исследователями) слова *discovered* (англ. обнаруживать, находить)¹, которое нередко ассоциируется с восприятием территорий или народов сквозь призму колониальной оптики или находкой неодушевленного предмета [Cherry, Pollock, 1984, p. 207].

По Г.Ч. Спивак, западноевропейский интеллектуальный дискурс неизбежно осуществляет то, что она называет «эпистемологическим насилием» (*epistemic violence*) – процесс, при котором угнетенный / Другой формально включается в систему репрезен-

¹ Примеров тому бесчисленное множество: *...discovered one day late in 1850* (из монографии Ф. Раттера «Данте Гэбриел Росsetти: художник и литератор» (1975); *Siddall was “discovered” in 1849 while working in a milliners’ shop...* (из статьи Э. Флад «Элизабет Сиддал: муза прерафаэлитов наконец-то обрела свой собственный голос спустя 150 лет после смерти» (*The Guardian*, 2018) и т.д.

тации, но при этом систематически лишается возможности подлинного самовыражения [Spivak, 1988, p. 75–76]. В случае Сиддал прослеживается именно такая парадоксальная динамика: будучи формально включенной в круг прерафаэлитов как художница (ее работы впоследствии экспонировались на выставках Братства), она тем не менее последовательно исключалась из художественного канона, принимая на себя роль некоего «вдохновляющего начала». Викторианская критика, воспевая «эфирную», «неземную» природу образов Сиддал, вместе с тем утверждала ее принципиальную инаковость по отношению к «полноценным» художникам Братства (Д.Г. Россетти, У.Х. Хант, Д.Э. Милле, М. Браун, Э. Бёрн-Джонс, У. Моррис, А. Хьюз, У. Крейн, Д.У. Уотерхаус). Хотя этот процесс осуществлялся через, казалось бы, позитивные категории – «муза», «идеал красоты», «вдохновение» и пр. – он создавал языковую ловушку, где восхищение подменяло признание, а риторика преклонения – анализ.

«Две Сиддал»: между викторианским мифом и феминистским взглядом

Сразу оговоримся, что в настоящей статье мы не будем отходить от укоренившегося и принятого искусствоведами варианта фамилии «Сиддал» (Siddal). Это решение продиктовано не только существующей художественной традицией, но и необходимостью сохранить преемственность исторического восприятия, ведь именно под именем Элизабет Сиддал она вошла в историю искусства. Особое значение имеет сам факт того, что именно вступление в Братство прерафаэлитов (Pre-Raphaelite Brotherhood / P.R.B) повлекло за собой изменение первоначального написания фамилии художницы – оригинальная «Сиддалл» (Siddall) уступила место варианту «Сиддал» (Siddal). Это изменение, вероятно, обусловлено как практическими соображениями (удобством написания), так и эстетическими предпочтениями живописца и поэта Данте Гэбриела Россетти, с которым Сиддал связывали не только творческие, но и глубоко личные отношения. Из частной корреспонденции членов Братства и изданных биографий Россетти известно, что родные и друзья называли художницу различными уменьшительно-ласкательными именами: Лиззи (Lizzie), Лиз (Liz), Гаггамс (Guggums), Гаггам (Guggum), Сид (Sid), Ида (Ida) и пр. Это разнообразие форм имени и написания фамилии, по всей видимости, серьезно осложняло на

ранних этапах изучение ее биографии: разночтения в архивных документах, частной переписке и каталогах отчасти мешали установлению достоверных сведений.

При жизни Сиддал стремилась не привлекать внимания широкой публики, и на протяжении последующих 20 лет после ее скоропостижной смерти от передозировки лауданума (в 1862 г.) сведения о ней крайне редко появлялись в прессе. По сути дела ее «собственная» биография начала складываться лишь после смерти ее прославленного супруга Данте Гэбриела Россетти в 1882 г.

Первое наиболее полное представление о личности Сиддал дал английский романист и драматург Т.Х. Кейн (Thomas Henry Hall Caine, 1853–1931) в «Воспоминаниях о Данте Гэбриеле Россетти» (*Recollections of Rossetti*, 1882). Согласно его свидетельству, до вступления в брак Сиддал была натурщицей и ученицей Россетти, молодой женщиной исключительной внешности, наделенной природным талантом к искусству и любовью к высокохудожественной литературе [Caine, 1883, p. 43]. Однако после свадьбы физическое и ментальное здоровье Сиддал резко ухудшилось, что привело ее к зависимости от лауданума, утрате вдохновения и прекращению творчества [Caine, 1883, p. 44]. Россетти тяжело переживал потерю жены, выразив свое чувство утраты в знаменитой картине «Видение Данте во время смерти Беатриче» (*Dante's Dream at the Time of the Death of Beatrice*, 1871). Это полотно положило начало представлениям о Сиддал исключительно как о спутнице жизни знаменитого художника, зависимой от его авторитета.

Спустя семь лет после трагического ухода жены Россетти, заручившись поддержкой авторитетных знакомых, осуществил эксгумацию ее тела. Причиной стало желание возратить свою неизданную поэтическую рукопись, помещенную им же самим в гроб Сиддал непосредственно перед прощальной церемонией. Стремясь обрести славу в мире литературы, Россетти испытывал глубокое чувство вины из-за нарушения покоя усопшей, поэтому сам во время процедуры предпочел не присутствовать, оформив доверенность на Ч.О. Хауэлла (Charles Augustus Howell, 1840–1890) – искусствоведа и антиквара, убедившего его пойти на столь рискованный шаг. Впоследствии именно Хауэлл распространил легенду о чудесных волосах Сиддал, якобы продолжавших расти и заполнять собой все внутреннее пространство гроба [Marsh, 1999, p. 414–416]. Этот апокрифический сюжет объединил в себе викторианские представления об эстетике смерти, женственности,

элементы мистики и стал краеугольным камнем в процессе посмертной мифологизации художницы.

Последовавшая за этим демифологизация образа Сиддал и переоценка ее наследия стали возможны лишь во второй половине XX столетия во многом благодаря развитию феминистской искусствоведческой и литературной критики 1970–1980-х годов. Именно в этот период были предприняты первые попытки освободить образ Сиддал от мистически-романтического ореола, который сформировался вокруг нее как главной натурщицы и вдохновительницы художников-праерафаэлитов. В 1971 г. В. Сёртиз включила обширные сведения о Сиддал в комментированный каталог «Живопись и рисунки Данте Гэбриела Россетти (1828–1882)» (*The Paintings and Drawings of Dante Gabriel Rossetti (1828–1882): A Catalogue Raisonné*, 1971). Хотя основной акцент в работе был сделан на ее роли как супруги и музы Россетти, значительное внимание Сёртиз уделила творческому наследию Сиддал, подчеркивая значимость ее художественных работ именно в контексте личных отношений [Surtees, 1971]. Справедливости ради отметим, что исследовательница еще не предпринимала попыток осмысления Сиддал в феминистском ключе, однако она зафиксировала ее принадлежность к кругу художников-праерафаэлитов, подчеркнув поддержку со стороны Россетти ее занятий живописью. Еще более важным является то, что в приложениях и комментариях Сёртиз привела сведения о картинах и рисунках Сиддал, выявляя ее самостоятельный художественный стиль и индивидуальный творческий почерк.

Через семь лет после публикации В. Сёртиз Р.К. Льюис и М.С. Ласнер подготовили собрание «Поэзия и рисунки Элизабет Сиддал» (*Poems and Drawings of Elizabeth Siddal*, 1978), которое ознаменовало новый этап в издании и изучении ее творческого наследия [Lewis, Lasner, 1978]. Прежде произведения Сиддал приводились лишь эпизодически и разрозненно – в письмах, мемуарах о Россетти или специализированных каталогах. Именно Льюис и Ласнер предприняли попытку представить Сиддал как полноценного творца викторианской эпохи: в предисловии и комментариях составители подчеркивали оригинальность ее художественного стиля, утвердив тем самым необходимость воспринимать ее как отдельную творческую личность. Это собрание заложило основу для переоценки статуса Сиддал, однако стоит оговориться, что хотя Льюис и Ласнер стремились выйти за границы традиционной интерпретации, в значительной степени их исследование все же оставалось

привязанным к строго биографическому подходу. Соответственно анализ произведений Сиддал осуществлялся ими преимущественно через призму тесной взаимосвязи с творчеством Д.Г. Россетти.

Настоящий переворот в восприятии Элизабет Сиддал совершили труды британской исследовательницы Я. Марш. В ее первой крупной работе – «Сестричество прерафаэлитов» (*The Pre-Raphaelite Sisterhood*, 1985) – творчество Сиддал представлено не изолированно, а в широком контексте деятельности женщин, близких к кругу прерафаэлитов (Дж. Моррис, Ф. Корнфорт, К. Россетти, Э. Миллер, Дж. Бёрн-Джонс и др.) [Marsh, 1985]. Следующей крупной работой стала монография «Элизабет Сиддал: ее история» (*Elizabeth Siddal: Her Story*, 1989), в которой представлена реконструкция жизненного пути художницы, освобожденной от навязанного ей амплуа «музы» [Marsh, 1989]. В этих исследованиях Марш проанализировала образную символику в живописи и поэзии Сиддал, выявив взаимосвязь между ее визуальными и поэтическими произведениями. Мотив ненадежности и нестабильности бытия, созерцательная меланхолия, элементы сакральной жертвенности и пр. – этот комплекс, как показала исследовательница, сформировал своеобразный автобиографический код Сиддал. В дальнейшем Марш, а также Л. Брэдли [Bradley, 1992], Д.Н. Манкофф [Mancoff, 1985], Г. Поллок [Pollock, 1988], Д. Черри [Cherry, 2012], Э. Шефер [Shefer, 1985] и др. продолжили развивать эту тему, публикуя статьи, каталоги и монографии, в которых Сиддал выступает ключевой или одной из центральных фигур научного анализа.

Переосмысление личной и творческой биографии Элизабет Сиддал на излете XX в. во многом было реакцией на романтизированные викторианские представления о ней как о «трагической музы прерафаэлитов». Исследователи стремились отделить, «очистить» историческую фигуру от сложившегося мифа, уделяя больше внимания ее собственному художественному и поэтическому наследию. Однако этот процесс при всей научной обоснованности неизбежно отражал культурные тенденции своего времени. Стремление увидеть в Сиддал символ творческой самостоятельности и независимости, безусловно, расширило понимание ее роли в искусстве XIX в., но вместе с этим постепенно начал формироваться (еще один) *Другой*, тоже во многом условный образ, соответствующий запросам и ценностям конца XX столетия. Таким образом, перед нами разворачивается сложная диалектика восприятия: Сиддал как «вечная Другая» – сначала для викторианского общества

и круга прерафаэлитов, позже – для феминистской критики XX в. «Настоящая» же Сиддал существует где-то между этими конструкциями: в калейдоскопе чужих взглядов начинают проступать черты подлинной личности. В этом контексте представляется важным «передать слово» ей самой, то есть обратиться к ее поэтическому наследию и попытаться взглянуть на него как на автономную художественную реальность. Мы полагаем, что свободный от полемичности и апологизма анализ стихотворений Сиддал способен открыть путь к целостному восприятию ее личности, в котором различные интерпретации не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Примечательно, что несмотря на достаточную изученность за рубежом (кроме упомянутых исследований также отметим работы Э. Вулли [Woolley, 2023], К.У. Хэссетт [Hassett, 1997], Л. Хоуксли [Hawksley, 2008] и др.), в русскоязычном литературоведении стихи Сиддал остаются *terra incognita*. Эта лакуна представляется особенно парадоксальной в контексте двух современных научных тенденций: с одной стороны, активного развития гендерных исследований в отечественной науке последних десятилетий, а с другой – неизменного междисциплинарного интереса к искусству прерафаэлитов. Именно двойной исследовательский потенциал творчества Сиддал – и как объекта гендерной поэтики, и как уникального случая взаимодействия литературного и художественного творчества в рамках прерафаэлитской эстетики – делает изучение ее поэзии не просто актуальным, но и необходимым для деконструкции устоявшихся стереотипов восприятия.

**Несостоявшийся диалог:
поэтический диптих Элизабет Сиддал
об утрате женского голоса**

По-видимому, живопись служила Элизабет Сиддал инструментом профессиональной реализации (ее картины охотно покупали известные коллекционеры, например, теоретик искусства и критик Джон Раскин (John Ruskin, 1819–1900)), тогда как поэзия оставалась ее сокровенной потребностью, адресованной лишь самой себе. Покидая дом на Чатем Плейс (Chatham Place) после смерти жены, Д.Г. Россетти уничтожил значительную часть ее личных писем, дневниковых записей и рабочих материалов, поэтому до наших дней дошли лишь 15 стихотворений и отдельные поэтические фрагменты. Точные даты написания большинства из

них установить невозможно; считается, что Сиддал принялась за поэзию до 1852 г. – именно такую версию выдвинул У.М. Россетти (William Michael Rossetti, 1829–1919), однако данное утверждение ничем документально не подтверждено. Я. Марш справедливо заметила, что, будь это действительно так, Д.Г. Россетти (будучи на тот момент увлеченным талантами жены) непременно высоко оценил бы литературные опыты Сиддал перед такими деятелями искусства, как Джон Раскин и Форд Мэдокс Браун (Ford Madox Brown, 1821–1893). Однако ни корреспонденция самого Раскина, ни мемуары последнего не содержат даже намека на подобный факт [Marsh, 1989, p. 198].

Первые публикации поэзии Сиддал появились спустя годы после ее ухода из жизни. В 1866 г. У.М. Россетти впервые подготовил к печати шесть ее стихотворений: «Истинная любовь» (*True Love*), «Год и день» (*A Year and a Day*), «Умершая любовь» (*Dead Love*), «Пастух, ставший моряком» (*Shepherd Turned Sailor*), «Ушла» (*Gone*) и «Напоследок» (*At Last*)¹, – намереваясь включить их в поэтическое собрание Кристины Россетти (Christina Georgina Rossetti, 1830–1894) «Странствие принца» (*The Prince's Progress*, 1866). Однако увидели свет произведения Элизабет Сиддал только в конце XIX в. благодаря усилиям все того же У.М. Россетти. Сопоставив стихотворения, представленные в его трудах «Поэтические произведения Данте Гэбриела Россетти» (*The Poetical Works of Dante Gabriel Rossetti*, 1870), «Данте Гэбриел Россетти: письма к семье с мемуарным очерком» (*Dante Gabriel Rossetti: His Family Letters, With a Memoir*, 1895), «Раскин, Россетти, префаэлиты: труды 1854–1862» (*Ruskin, Rossetti, Pre-Raphaelitism: Papers 1854 to 1862*, 1899), «Данте Россетти и Элизабет Сиддал» (*Dante Rossetti and Elizabeth Siddal*, 1903) и «Некоторые воспоминания Уильяма Майкла Россетти» (*Some Reminiscences of William Michael Rossetti*, 1909), с оригиналами из фондов Эшмолеанского музея (Ashmolean Museum of Art and Archaeology, Oxford), С. Трубридж заметила, что Россетти существенно отредактировал исходный текст: он внес грамматическую правку и убрал элементы, которые счел чрезмерно личными либо излишне печальными (*removed elements which he deemed to be too personal or too sad*) [Flood, 2018]. Тем не менее благодаря У.М. Россетти стихи Сиддал постепенно начали цитироваться

¹ По мнению Я. Марш и С. Трубридж, все названия, за исключением первого, были даны не самой поэтессой.

в публикациях о Братстве прерафаэлитов, и в 1978 г. весь «цикл» был издан ограниченным тиражом в издательстве *Wombat Press* под редакцией Р.К. Льюиса и М.С. Ласнера [Lewis, Lasner, 1978]. В 2018 г. независимое издательство *Victorian Secrets* представило собрание стихотворений «Душа моей возлюбленной: поэтическое наследие Элизабет Сиддалл» (*My Lady's Soul: The Poetry of Elizabeth Siddall*), подготовленное С. Тробрайдж [Trowbridge, 2018]. Эта книга стала первым полным изданием поэтических произведений Сиддал за сорок лет, прошедших после публикации Льюиса и Ласнера. Сегодня поэзия Сиддал представлена также в открытом доступе в рамках онлайн-проекта «*Guggums.com: Pre-Raphaelite Adventures*» (прежде известного как «*LizzieSiddal.com*»)¹, основанного в 2004 г. независимой исследовательницей С.Э. Четфилд (Stephanie E. Chatfield).

По меткому наблюдению С. Тробрайдж, ощущение оцепенения, неспособность двигаться или говорить – одна из характерных тем поэзии Сиддал [Trowbridge, 2018, p. 58]. Эта особенность особенно ярко проявляется в двух стихотворениях, к которым мы обратимся в настоящей статье – «Сладострастие взора» (*The Lust of the Eyes*) и «Отрывок из баллады» (*Fragment of a Ballad*). Хотя на первый взгляд эти произведения различаются по интонации и перспективе – в одном звучит мужской голос, в другом женский, – оба стихотворения выстраиваются вокруг общего тематического ядра: принципиальной невозможности подлинного межсубъектного контакта между мужчиной и женщиной.

«Сладострастие взора»

«Сладострастие взора» демонстрирует условно «мужской» взгляд, сосредоточенный исключительно на телесной красоте возлюбленной. Лирический герой наделяет ее эстетическими качествами, восхищаясь внешним, однако отказывает объекту своей любви в наличии самостоятельных стремлений и полноценного субъектного статуса:

¹ URL: <https://lizziesiddal.com/portal/lizzies-poems/> (дата обращения 20.04.2025); URL: <https://guggums.com/> (дата обращения: 15.05.2025).

I care not for my Lady's soul *Мне нет дела до души моей возлюбленной,*
Though I worship before her smile; *Хотя я преклоняюсь перед ее улыбкой;*
I care not where be my Lady's goal *Мне неважно, к чему устремится моя возлюбленная,*
When her beauty shall lose its wile. *Когда ее красота утратит очарование¹.*

Холодное равнодушие к внутреннему миру возлюбленной – ее эмоциональному опыту и самой судьбе вплоть до смертного часа – углубляет мотив изолированности обоих героев, скованных условностями своего времени. Чувства лирического героя ограничены исключительно внешним восприятием, он молча наблюдает возвышающийся над ним идеал, не испытывая потребности в подлинном диалоге и глубокой связи. Утверждение права на чужую любовь здесь сулит не счастье единения, а мрачную обреченность:

Smiling to think how my love will fleet *Улыбаясь, думаю о том, как погаснет моя любовь,*
When their starlike beauty dies. *Когда умрет их звездная красота*

Осознание безвозвратной потери не углубляет чувство, а наоборот, обнажает его поверхностность и подчиненность внешнему облику. Стихотворение предлагает поэтическое осмысление асимметрии любовных отношений, где мужчина предстает деятельным наблюдателем и распорядителем чувств, тогда как женщина остается непроницаемой и возвышенно пассивной, лишенной голоса и свободы выбора. В этом контексте особенно тревожно звучат финальные строки стихотворения:

Then who shall close my Lady's eyes *Так кто же закроет глаза моей возлюбленной?*
And who shall fold her hands? *И кто сложит ее руки?*
Will any hearken if she cries *Услышит ли кто-то, если она заплачет,*
Up to the unknown lands? *До самых неведомых земель?*

Здесь впервые появляется призрак сострадания – но он запоздал и звучит как риторический вопрос, ответ на который уже известен заранее: ее голос никто не услышит. Таким образом, в стихотворении «Сладострастие взора» телесная привлекательность противопоставляется внутренней значимости: лирический адресат (женщина) выступает объектом вдохновения, но принципиально

¹ Здесь и далее цит. по: [Ruskin: Rossetti: Preraphaelitism ..., 1899, p. 155]. Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Е.К.

непознаваемым. В этом и состоит критический пафос Сиддал-поэтессы – в разоблачении той формы коммуникации, где нет места признанию, а значит, нет и подлинной встречи.

«Отрывок из баллады»

Если в «Сладострастии взора» женский персонаж предстает как безмолвный объект восхищения, то в «Отрывке из баллады» молчание приобретает качественно иной характер: теперь это внутреннее состояние лирической героини, порожденное пережитой болью невыраженных эмоций. Эти стихотворения формируют своего рода диптих об утрате женского голоса и выстраивают «драматическую дугу» – от отказа мужчины слышать к неспособности женщины говорить. Этот переход раскрывает не столько тему романтической разобщенности, сколько серьезную проблему гендерного неравенства, в которой женский голос либо подавлен, либо запоздал, а потому звучит как эхо несостоявшегося диалога.

Главным лейтмотивом стихотворения «Отрывок из баллады» выступает состояние оцепенения лирической героини, тесно связанное с трагической темой запоздалой любви и неспособности откликнуться на предложенное спасение – не случайно У.М. Россетти при первой публикации озаглавил произведение «Безмолвная» (*Speechless*) [Trowbridge, 2018, p. 66]. Это пример тонкой психологической поэзии, наполненной напряженным конфликтом внутренних переживаний. Лирическая героиня охвачена тяжелым «эмоциональным ступором» в самый момент неожиданного возвращения возлюбленного, готового добровольно разделить ее страдания. Находясь в плену глубокой меланхолии, которая подавляет ее волю и внутренние силы, она утрачивает способность высказать вслух собственные чувства и переживания:

*I felt the spell that held my breath
Bending me down to a living death.¹*

*Я ощутила чары, сковывающие дыханье,
Обрекающие меня на существование,
что хуже смерти.*

Стихотворение отличается крайне сложной ритмической организацией с намеренными переменами размера. Открывающая

¹ Здесь и далее цит. по: *Siddal E. Fragment of a Ballad // Guggums. – URL: <https://guggums.com/elizabeth-siddal-rossetti/elizabeth-siddals-work/fragment-of-a-ballad/> (дата обращения: 15.05.2025).*

строка (*Many a mile over land and sea – Много миль по суше и морю*) сочетает дактиль и хорей с усеченной стопой в финале, тогда как следующая строка (*Unsummoned my love returned to me – Незванный, мой возлюбленный вернулся ко мне*) написана амфибрахией с аналогичным усечением последней стопы. Длина строк в стихотворении колеблется от восьми до двенадцати слогов, демонстрируя непостоянство количества ударений и отсутствие строгого метрического рисунка. Нестабильность ритма поэтически воплощает расщепленность сознания героини, а отсутствие знаков препинания в оригинальном тексте усиливает впечатление непрерывного потока сознания – мысли сливаются, как если бы лирическая героиня повторила их себе, не способная выразить в четкой, связной речи.

Хотя название отсылает к жанру баллады, стихотворение не следует его классической строфической схеме (АВСВ). Вместо этого Сиддал использует парную рифмовку (ААВВ), которая сближает текст с исповедальной лирикой, но не с повествовательной дистанцией традиционной баллады. Нестабильность ритмической структуры и сбивчивость ударений в финальной строфе (*I felt the wind strike chill and cold / And vapours rise from the red-brown mould... – Я почувствовала, как подул холодный ветер, / И пары поднимаются от красно-коричневой плесени...*) становится поэтическим маркером внутреннего слома – той грани, за которой тишина превращается в символ необратимого разрыва между желанием действия и полной неподвижности.

Подобно стихотворению «Сладострастие зора», в «Отрывке из баллады» Сиддал иллюстрирует асимметрию межсубъектной связи, но иным образом: возвращение возлюбленного не встречает отклика, так как между субъектами утрачено общее пространство понимания. Лирический адресат сохраняет уверенность в своей роли спасителя, однако героиня уже миновала тот рубеж, за которым спасение оставалось возможным. Это глубинное расхождение между ожиданием и (не)возможностью быть понятой превращает ее в принципиально иное существо, чья боль не может быть переведена на доступный язык. В этом контексте молчание становится единственной защитной стратегией и последним шансом сохранить собственную субъектность.

Интерпретация М.С. Фелипе, указывающая на связь «Отрывка из баллады» с архетипом Пенелопы – символом женского ожидания, – представляется чрезвычайно точной [Felipe, 2021, p. 18]. Однако в стихотворении Сиддал этот архетип подвергается пере-

осмыслению: героиня не встречает «своего Одиссея» с радостью и преданностью, напротив – ее реакция предельно холодна и отстраненна. В отличие от Пенелопы, чье ожидание оправдывается вознаграждением, лирическая героиня Сиддал сталкивается с противоречием: возвращение возлюбленного оказывается не спасением, а напоминанием о прежней боли, которую она научилась прятать внутри себя. В сущности, ее молчание является симптомом глубокой внутренней травмы, утраты доверия к самому языку любви и взаимности. Так, стихотворение «Отрывок из баллады» трансформирует мифологему Пенелопы, превращая ее из идеала терпеливой верности в трагический символ эмоционального истощения. Такое смещение перспективы демонстрирует отказ Сиддал-поэтессы от традиционного женского нарратива, вместо которого в центре оказывается иной способ выражения – язык молчания.

Поэтическое творчество Элизабет Сиддал, как и ее собственная биография, отмечено глубокими внутренними конфликтами и контрастами, отражающими непростые реалии викторианского общества. Анализ «Сладострастия взора» и «Отрывка из баллады» позволил проследить, каким образом Сиддал-поэтесса размыкает бинарные оппозиции «активный мужчина / пассивная женщина», «субъект / объект». Мы коснулись мотива безмолвия и принципиально неразрешимого любовного конфликта, которые выступают в этих стихах иллюстрацией глубокой «гендерной асимметрии». Нащупывая границу между изреченным словом и молчанием, духовной и физической сущностью, возвышенной и земной любовью, Сиддал раскрывает уникальную женскую перспективу, подчеркивая ценность внутреннего мира женщины. Вместо прямого высказывания молчание в ее произведениях получает особый смысл – оно становится актом утверждения личности и защиты собственной индивидуальности. Следовательно, невозможность подлинного межсубъектного контакта и доверительного диалога в творчестве Сиддал свидетельствует не о слабости или безволии лирических героев, а, скорее, о сознательном выборе в пользу внутренней независимости.

Анализ гендерной асимметрии в поэзии Сиддал позволил наметить особый характер ее *инаковости* – не простое противостояние условиям викторианской эпохи, но сложный процесс

взаимодействия с ними. Однако еще более любопытным оказывается то, что позиция Сиддал-поэтессы двойственна даже по отношению к феминистским интерпретациям рубежа XX–XXI вв.: если ранние исследовательницы были склонны рассматривать Сиддал преимущественно как жертву мужского доминирования, то в нашей статье мы пытаемся представить более сложную картину. Ее поэтика молчания, кажущаяся на первый взгляд проявлением пассивности, при ближайшем рассмотрении оказывается стратегией сопротивления – тем самым *écriture feminine*, которое, по Э. Сиксу, является для женщины едва ли не единственным способом «писать себя» в условиях социокультурных ограничений [Сиксу, 2001]. Этот парадоксальный феномен – когда формальное подчинение дискурсивным нормам (например, молчание или покорность) превращается в инструмент утверждения субъектности – и составляет суть творческого своеобразия Элизабет Сиддал.

Список литературы

- Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / пер. с англ. О. Липавской. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – С. 799–821.
- Bradley L. Elizabeth Siddal: Drawn into the Pre-Raphaelite Circle // Art Institute of Chicago Museum Studies. – 1992. – Vol. 18, N 2. – P. 136–145.
- Caine T.H. Recollections of Dante Gabriel Rossetti. – Boston : Roberts Brothers, 1883. – 296 p.
- Cherry D. Elizabeth Eleanor Siddall (1829–1862) // The Cambridge Companion to the Pre-Raphaelites / ed. by E. Pettejohn. – Cambridge : Cambridge university press, 2012. – P. 183–195.
- Cherry D., Pollock G. Woman as Sign in Pre-Raphaelite Literature: A Study of the Representation of Elizabeth Siddall // Art History. – 1984. – Vol. 7, N 2. – P. 206–227.
- Felipe M.S. The Ballad Tradition in Elizabeth Siddal's Literary and Artistic Works. Master's thesis. – Valladolid : Universidad de Valladolid, 2021. – 36 p.
- Flood A. Elizabeth Siddall: Pre-Raphaelites' Muse Finally Gets Her Own Voice, 150 Years After Death // The Guardian (25 October 2018). – URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2018/oct/25/elizabeth-siddall-pre-raphaelites-muse-finally-gets-her-own-voice-150-years-after-death> (дата обращения: 14.05.2025).
- Hassett C.W. Elizabeth Siddal's Poetry: A Problem and Some Suggestions // Victorian Poetry. – 1997. – Vol. 35, N 4. – P. 443–470.
- Hawksley L. Lizzie Siddal: The Tragedy of a Pre-Raphaelite Supermodel. – London : Andre Deutsch, 2008. – 256 p.
- Lewis R.C., Lasner M.S. Poems and Drawings of Elizabeth Siddal. – Wolfville, Nova Scotia : Wombat Press, 1978. – 26 p.
- Mancoff D.N. A Vision of Beatrice: Dante Gabriel Rossetti and the Beata Beatrix // The Journal of Pre-Raphaelite Studies. – 1985. – N 6. – P. 79–82.
- Marsh J. A Legend of Elizabeth Siddal. – London : Quartet Books, 1989. – 280 p.

- Marsh J. Dante Gabriel Rossetti: Painter and Poet. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1999. – 592 p.
- Marsh J. Elizabeth Siddal: Her Story. – London : Pavilion Books, 1989. – 244 p.
- Marsh J. The Pre-Raphaelite Sisterhood. – New York : St. Martin's Press, 1985. – 456 p.
- Pollock G. Vision and Difference: Femininity, Feminism and the Histories of Art. – London : Routledge, 1988. – 239 p.
- Ruskin: Rossetti: Preraphaelitism: Papers 1854 to 1862 / ed. by W.M. Rossetti. – London : George Allen, 1899. – 382 p.
- Shefer E. Deverell, Rossetti, Siddal, and “The Bird in the Cage” // The Art Bulletin. – 1985. – Vol 67, N 3. – P. 437–448.
- Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. – Urbana : Illinois university press, 1988. – P. 66–111.
- Surtees V. The Paintings and Drawings of Dante Gabriel Rossetti (1828–1882): A Catalogue Raisonné. – Oxford : Clarendon Press, 1971. – 292 p.
- Trowbridge S. My Lady's Soul: The Poems of Elizabeth Eleanor Siddall. – Brighton : Victorian Secrets Press, 2018. – 112 p.
- Woolley A. The Poems of Elizabeth Siddal in Context. – Manchester : Manchester university press, 2023. – 296 p.

References

- Cixous, H. (2001). Khokot Meduzy [The Laugh of the Medusa]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniia. Ch. II: Khrestomatiia* [Introduction to gender studies. Part II: Anthology] (O. Lipavskaiia, Trans.; pp. 799–821). Saint Petersburg: Aleteiia.
- Bradley, L. (1992). Elizabeth Siddal: Drawn into the Pre-Raphaelite Circle. *Art Institute of Chicago Museum Studies*, 18(2), 136–145.
- Caine, T.H. (1883). *Recollections of Dante Gabriel Rossetti*. Boston: Roberts Brothers.
- Cherry, D. (2012). Elizabeth Eleanor Siddall (1829–1862). In E. Prettejohn (Ed.), *The Cambridge Companion to the Pre-Raphaelites* (pp. 183–195). Cambridge: Cambridge University Press.
- Cherry, D., & Pollock, G. (1984). Woman as Sign in Pre-Raphaelite Literature: A Study of the Representation of Elizabeth Siddall. *Art History*, 7(2), 206–227.
- Felipe, M.S. (2021). *The Ballad Tradition in Elizabeth Siddal's Literary and Artistic Works* (Master's thesis). Universidad de Valladolid, Valladolid, Spain.
- Flood, A. (2018, October 25). Elizabeth Siddall: Pre-Raphaelites' Muse Finally Gets Her Own Voice, 150 Years After Death. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2018/oct/25/elizabeth-siddall-pre-raphaelites-muse-finally-gets-her-own-voice-150-years-after-death>
- Hassett, C.W. (1997). Elizabeth Siddal's Poetry: A Problem and Some Suggestions. *Victorian Poetry*, 35(4), 443–470.
- Hawksley, L. (2008). *Lizzie Siddal: The Tragedy of a Pre-Raphaelite Supermodel*. London: Andre Deutsch.
- Lewis, R.C., & Lasner, M.S. (1978). *Poems and Drawings of Elizabeth Siddal*. Wolfville, Nova Scotia: Wombat Press.
- Mancoff, D.N. (1985). A Vision of Beatrice: Dante Gabriel Rossetti and the Beata Beatrix. *The Journal of Pre-Raphaelite Studies*, 6, 79–82.

- Marsh, J. (1985). *The Pre-Raphaelite Sisterhood*. London: St. Martin's Press.
- Marsh, J. (1989a). *A Legend of Elizabeth Siddal*. London: Quartet Books.
- Marsh, J. (1989b). *Elizabeth Siddal: Her Story*. London: Pavilion Books.
- Marsh, J. (1999). *Dante Gabriel Rossetti: Painter and Poet*. New York: Weidenfeld & Nicolson.
- Pollock, G. (1988). *Vision and Difference: Femininity, Feminism and the Histories of Art*. London: Routledge.
- Rossetti, W.M. (Ed.). (1899). *Ruskin: Rossetti: Preraphaelitism: Papers 1854 to 1862*. London: George Allen.
- Shefer, E. (1985). Deverell, Rossetti, Siddal, and "The Bird in the Cage". *The Art Bulletin*, 67(3), 437–448.
- Spivak, G.C. (1988). Can the Subaltern Speak? In C. Nelson & L. Grossberg (Eds.), *Marxism and the Interpretation of Culture* (pp. 66–111). Urbana: University of Illinois Press.
- Surtees, V. (1971). *The Paintings and Drawings of Dante Gabriel Rossetti (1828–1882): A Catalogue Raisonné*. Oxford: Clarendon Press.
- Trowbridge, S. (2018). *My Lady's Soul: The Poems of Elizabeth Eleanor Siddall*. Brighton: Victorian Secrets Press.
- Woolley, A. (2023). *The Poems of Elizabeth Siddal in Context*. Manchester: Manchester University Press.

Об авторе

Колосова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, Москва, kolosova@inon.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1333-9129>

About the author

Kolosova Ekaterina Igorevna – PhD in Philology, Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, kolosova@inon.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1333-9129>